

УДК 811. 161

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКАЯ СВЯЗНОСТЬ КАК ФАКТОР КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Селиванова Е.А.

Современная когнитивно-дискурсивная парадигма, рассматривающая язык как «когнитивное образование, которое используется в коммуникативной деятельности и имеет для этого необходимые единицы, категории и механизмы» [5, с.11-12], переводит проблему «ономасиология и текст» на новый, перспективный уровень исследования роли ономасиологической структуры слова в организации семиотического и концептуального пространства текста. Текстовая концептуализация как когнитивный процесс в интерактивном поле дискурса представлена фазой порождения некоего психоментального образования, возникающего в сознании автора при описании им объекта реальной действительности или сферы внутреннего рефлексивного опыта (формировании одного из возможных миров); а также фазой читательской рецепции, воспринимающей текстовую информацию и интерпретирующей ее, исходя из установок, тезауруса адресанта. Результатом концептуализации является формирование информационно-интерпретационного массива текста – сложной синергетической системы смыслов, детерминированной изнутри (текстом как знаком) и извне (социумом, онтологией, особенностями этнического и индивидуального сознания, семиотическим универсумом культуры).

Цель нашей статьи – установить концептуализирующие функции в художественном тексте ономасиологической связности, определяемой нами как дублирование компонентов номинативных структур языковых единиц и механизма их производства [8, с.218]. Роль словообразовательных средств в аспекте их коммуникативной и номинативной обусловленности, когезии, корреляции с семантикой текста освещалась в работах Т. ван Дейка, В. Кинча, Д.У. Ашуровой, Е.А. Земской, Е.С. Кубряковой, О.И. Блиновой, Э.П. Шубина, Д.А. Аксельруда, М. Голянич, И. Онхайзера. *Новизна* нашего исследования состоит в анализе связей ономасиологических структур текстовых единиц с концептуальным пространством художественного произведения.

Ключевой когнитивной структурой этого пространства является концепт-идея как некий конденсат воплощенного авторского замысла, содержащий ключевые представления о переосмысленных адресантом текста действительности или возможных мирах и их оценки. Концепт-идея считается основополагающей текстовой категорией [6, с.76], опосредующей системомыследеятельность и рефлексии автора текста [1, с. 10; 9]. Дублирование ономасиологического механизма как средство создания концепта-идеи характерно, к примеру, для романа Л.Н. Толстого «Война и мир». Индивидуально-авторские адъективные композиты с оппозитивными по семантике ономасиологическими признаками отражают ключевой принцип контраста, положенный в основу авторской концепции романа. Контрасты жизни и смерти, войны и мира.

личности и общества, внутреннего и внешнего состояния героев есть частные более общей антиномии толстовской индивидуально-авторской парадигмы – противопоставления статики и динамики. Статика и динамика – два полюса толстовского видения мира; соединение этих двух ипостасей бытия пронизывает текстовую ткань романа, определяет развитие действия, эпического по своей масштабности и многоплановости. Не случайно Л.Н. Толстой отмечает: «Когда человек находится в движении, он всегда придумывает себе цель этого движения». И далее – обосновывая свой подход к истории, ее движущим силам, в эпилоге: «Единственное понятие, посредством которого может быть объяснено движение народов, есть понятие силы, равной всему движению народов. [...] Для истории существуют линии движения человеческих воль, один конец которых скрывается в неведомом, а на другом конце которых движется в пространстве, во времени и в зависимости от причин сознания свободы людей в настоящем».

Переход от динамики к статике отображен Толстым в развитии образов и сюжета романа, исходя из следования их к цели. Достигая цели, образ, сюжетное движение переходит в иную ипостась бытия – статическую: смерть для князя Андрея, превращение в стеленную матрону большого семейства для Наташи, для Наполеона – в разгром его армий в России, в завоеванную победу для русского народа.

Контрасты статики и динамики обеспечиваются ономасиологическим согласованием оппозитивных по семантике лексем и оппозитивного бленда компонентов композита: *каждый полк в своей безмолвности и неподвижности казался безжизненным телом; только сравнивался с ним государь, полк оживлялся и гремел, присоединяясь к реву по всей линии [...] При страшном оглушительном звуке этих голосов посреди масс войска, неподвижных, как бы окаменевших [...] свободно двигались сотни всадников свиты и впереди их два человека – императоры. На них было сосредоточено сдержанно-страстное внимание [Толстой].* Ономасиологическая структура композита и его ономасиологическое согласование во фрагменте текста позволяет читателю воспринять авторскую мысль о сложных отношениях народа и монарха, о внутренней силе и могуществе народа как двигателя истории. На первый взгляд незначительный момент романа приобретает концептуализирующую функцию еще и потому, что «в рамках эпопеи, ситуации войны эстетически значимым становится бытописание самого «мелочного», так как все в жизни, коль скоро оно подано в ракурсе смерти, есть абсолютная ценность и носит на себе отпечаток всего общества» [3, с.84].

Контрастное построение и ассоциативный смысл композитных номинативов дублируется и в других местах романа, в частности в описаниях внутреннего и внешнего состояния персонажей: *Пьер поразил всех гостей своим сосредоточенно-рассеянным видом...чувствовал в себе приближение припадков гипохондри и с отчаянным усилием старался бороться против них; Злобно кричала Наташа сдержанно-раздраженным и отчаянным голосом; Старая графиня сидела с счастливо-грустной улыбкой и слезами на глазах; Десаль был все тот же ограниченно-умный, образованный, добродетельный и педантичный воспитатель.* Подобные наименования отображают диалектику души героев, противоречивость их мировоззрения, требующую исканий и постановки жизненной цели, тончайшие движения ума и чувств. Как отмечает В.А. Ковалев: «Портрет у Толстого всегда номинативен и психологичен» [4, с.93]. Обычно наиболее меткая характеристика героев запечатляется оценочными существительными. Но Толстой избегает подобных слов-ярлыков и прибегает к

композиционной структуре прилагательных. Ономасиологическое согласование на основе повтора ассоциативного механизма объединения мотиваторов в данных номинатах выполняет вторую концептуализирующую функцию, которую можно было бы охарактеризовать как Толстовский принцип «диалектики души». Тончайшие нюансы душевных движений героев передаются с помощью дублирования адъективной композиции, позволяющей точно и выразительно представить художественный образ: Наташа – *безумно-веселая, отчаянно-оживленная; обворожительно-нежная*; Пьер – *дейтельно-добродетельный*, Элен – *молчаливо-достоинная в свете, с неприятно-растерянным выражением*; Анатолий Курагин – *самоуверенно-нежный, добродушно-победительный*, Император Александр – *рыцарски-благородный*, Мюрат – *торжественно-театральным лицом*, лицо Жюли – *неприятно-раздраженное*.

Данные номинаты формируют новые целостные смыслы

– на основе коассоциативности ономасиологических признаков: *«Я думала, не случилось ли что?» – спросила княжна и с своим каменно-строгим выражением села против князя* (коннекции слота качества и терминала «камень» на базе цепочки ассоциаций: каменный – неподвижный – безжизненный – внешне бесстрастный);

– с учетом контекста: *Ростов заметил ... дурное, затаенное чувство проглядывало в выражении лица Денисова. Рана его все еще не зажила. В лице его была та же бледная опухлость. Денисов как будто не рад был ему и неестественно ему улыбался... Денисов не договорил и улыбнулся болезненно-фальшивой улыбкой;*

– на базе экстралингвистических сведений читателя, социокультурного контекста: *Пьер принял симметрично-наивное положение египетской статуи.*

По мере продвижения к концу романа количество подобных композитов убывает: жизнь и смерть, война расставляет все по местам, убирает полутона, высвечивая основную сущность человеческой души. Адъективные композиты и их ономасиологический контекст служат средством авторской оценки, опосредующей контраст высокого и смешного: в описании уклада семьи Болконских прослеживаются две контрастные тематические линии – древность, величие именитого рода и до смешного подчеркнутая напыщенность: *В столовой громадно-высокой... ожидали выхода князя домашние официанты... Князь Андрей глядел на новую для него, огромную золотую раму с изображением владетельного князя в короне... Князь Андрей смотрел... и посмеивался с тем видом, каким смотрят на похожий до смешного портрет.*

Концептуализирующая функция ономасиологического согласования более рельефно проступает в текстах малого жанра (стихотворениях). Повторение ономасиологического признака *бег (беж)ать* в соединении с паронимической аттракцией, паронимазией и аллитерацией создает в стихотворении А. Вознесенского «Беженка» авторский концепт разделенности бывшей Родины, убегающей от нас, становящейся ближним или дальним зарубежьем: *Беги, беги, беженка на руках с грудным. На снежной дорожке бежевой не столкнись с крутым ...Бедствие! Нет убежища. Гоним к берегам другим. Вьюгою центробежною рвет нас до тошноты. Ты – ближнее зарубежье, и дальше – тоже ты... Беги, беги, родина, в ужасе от нас ...Над лугом погибшим Бежиным по небу, в облаках бежит от нас Божья беженка с ребенком на руках.*

Информационный массив текста, ориентированный на концепт-идею, содержит иные, подчиненные главному концепты: тематические, культурные, идеологические, аксиологические, антропоцентрические (персонажные), концепты-натурфакты, представленные природными явлениями; концепты-артефакты, актуализирующие

искусственно созданные объекты, которые выполняют функцию художественной детали, символов и т. п.

Тематические концепты организуют фактуальное информационное пространство модельного мира текста, используя знаки определенных концептуальных сфер и создавая на их основе новые ономасиологические структуры. В романе О. Гончара «Циклон» представлено переплетение двух модельных временных планов: плана настоящего, с которым связана тема «кино» (проходят съемки художественного фильма по сюжету из военных времен), и плана прошлого, времени Великой Отечественной войны. Тематическая линия «кино» ономасиологически организована дублированием номинативного механизма аналогичного типа (*кіновисновок, кіномарафон, кінобуафорія, кіномефістофель, кіноектар* и т.п.).

Переплетение тематических линий на основе ономасиологической связности может иметь характер контрапункта [2] как одновременного объединения номинативных планов: первичного и вторичного. С целью декодирования таких фрагментов адресат должен удерживать в памяти два параллельных потока информации (логической и образной). Контрапункт основывается на концептуальной интеграции двух сценариев по сходству (аналогии), а сигналом такой интеграции является повторение корневых морфем. Когнитивная сущность контрапункта исходит из концептуальной метафоры, сближения и пересечения различных концептуальных областей.

Соотношение контрапункта с ономасиологическим согласованием формирует два типа. Первый тип характеризуется ономасиологической связностью обозначений первичного и вторичного семантических планов: *Лапенков едва поспевал за ним. Приходилось семенить ногами и даже иногда подпрыгивать. Оттого и мысли в лапенковской голове были какие-то семяннице и подпрыгивающие* [Горин]. Второй – раздельным ономасиологическим согласованием знаков каждого номинативного плана при наличии семантической интеграции: *Тогда лунный путь вскипает, из него начинается хлестать лунная река и разливается во все стороны... Тогда в потоке складывается непомерной красоты женщина... Тогда луна начинает неистовствовать, она обрушивает потоки света прямо на Ивана, она разбрызгивает свет во все стороны, в комнате начинается лунное наводнение, свет качается, поднимается выше, затопляет постель* [Булгаков].

В когнитивной карте текста ономасиологическая связность обеспечивает формирование аксиологических концептов. В повести Е. Замятина «Ловец челоуеков» концепт лицемерной добродетели внешне контрастирует с концептом явной жестокости. Первый концепт представлен ономасиологическим контекстом компонента *розов-*, второй – знаком *металл*: *Внизу, в тумане, смущенно жмурились молочно-розовыми огнями, горели вымытые к воскресенью окна Краггсов [...] Мелькнула, порозовела на солнце рука. Миссис Лори порозовела, и быстрее заколыхалась розовая занавесь на губах; Все в комнате – металлически сияющее [...] И может быть, складки скатерти – металлически-негнующиеся, и, может быть, стулья, если потрогать, металлически-холодные; окрашенный под красное дерево металл... Все металлическое сияло.*

Персонажная концептуализация нередко базируется на каламбуре, основанном на обыгрывании номинативной структуры за счет семантического столкновения ономасиологических признаков композитов: *В приемной сидел смуглый сногшибательный секретарь – любого сшибет с ног* [Барковский, Измайлов];

Опершись о расписной сундук...на солнце печется, как тыква, тыквенно-лысый сундучник [Ильф и Петров].

Выводы. Исследование ономаσιологической фиксации концептуального массива текста позволяет соотнести структуру индивидуального сознания адресанта с особенностями авторского стиля, выявить его знаковые доминанты (ключевые слова) и приемы выдвижения, стратегии и тактики авторской программы интерпретации текста.

Список литературы

1. Богин Г.И. Текстовые ключи к инокультурным смыслам // Вісник Київського державного лінгвістичного університету. Серія Філологія. – 1999, – Т. 2. – № 2. – С. 8-12.
2. Гальперин И.Р. Информативность единиц языка. Пособие по курсу общего языкознания. – М.: Высшая школа, 1974. – 175 с.
3. Гачев Г.Л. Содержательность художественных форм. – М.: Просвещение, 1968. – 303 с.
4. Ковалев В.А. Поэтика Льва Толстого. – М.: Изд-во МГУ, 1983. – 176 с.
5. Кубрякова Е.С. Об актуальных задачах теории словообразования //Материалы Международной конференции, посвященной научному наследию М.Д. Степановой. – М.: Изд-во ИЯ РАН, 2001. – С. 3-12.
6. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.
7. Селиванова Е.А. Когнитивная ономаσιология. – К.: Фитосоцицентр, 2000. – 248 с.
8. Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации. – К.: Фитосоцицентр, 2004. – 336 с.
9. Щедровицкий Г.П. Схема мыследеятельности – системно-структурное строение, смысл и содержание //Системные исследования: Методологические проблемы: Ежегодник. 1986. – М.: Наука, 1987.

Поступила в редакцию 10.04.2006 г.